

Тая Найдено

## Пятьсот дней войны

\* \* \*

Россия умирала тяжело  
И пышно. В соответствии с обрядом.  
Наследники давно толпились рядом,  
Считая годы. Время шло и шло.

Старуха (или, может быть, старик?)  
Не разобрать ни возраста, ни пола)  
По временам, как будто для прикола,  
Ехидно издавала смертный крик.

– Внемлите же! – вещал пресс-секретарь.  
И толпы обнадеженно внемляли.  
Какие-то раскрашенные ляли  
Уже бросали чепчики, как встарь.

Напрасно. Преждевременно они  
Зловонную старуху хоронили.  
Она желала сдохнуть в римском стиле,  
И полыхали в городах огни...

Докладывал закопченный халдей:  
– Спалили всё! Уж, может, отходную?..  
Россия заводила песнь иную,  
Рождая море красочных идей.

– Хочу – как фараоны! Заберу  
С собой сто тысяч юных новобранцев.  
Законопатьте в землю сих засранцев  
И для меня оставьте там дыру!

Похоронили. Жаживо. Сто тыщ.  
Для верности накинули тыщ двести.  
Россия все лежит на том же месте  
И чешет жопу, жалуясь на свищ.

– Эх, жаль, что яду нет в сто верст окрест... –  
Бормочет ведьма в царственном угаре.  
(Прислало НАТО сто кило кураре.  
И что ж? Всех угощает, но не ест.)

– Хочу, чтоб как в библейскую пору,  
Мне брат мой смерть принес, с лицом Кайна...  
– Тут братьев нет, – вспыхнула Украина, –  
Но я могу прирезать как сестру.

Все скурвились. И некому сказать:  
– Россия, сука, Лета-Лорелея!  
Ты можешь вообще не умирать –  
Или издохнуть как-то побыстрее?

\* \* \*

У окна мы тогда стояли.  
Падал свет.  
Кто-то громко смеялся. Я ли?  
Вряд ли. Нет.

Шел две тыщи какой-то. Лето.  
Или май?  
Говорили о снах, приметах...  
Вспоминай!

Говорили о людях, лицах,  
О душе.  
Сигарета могла дымиться  
Час уже.

Что там было-то – в разговоре  
До войны?  
Ты показывал складки горя  
И вины.

Все морщинки. И лапки смеха  
Возле глаз.  
«Это всё, – хохотало эхо,  
Не про нас!

Это всё углубится позже,  
К сорока».   
Свет касался согретой кожи,  
Не рука.

Нас лепили лучи, слепили,  
Как котят.  
Это было лет восемь – или  
Сто назад?

С февраля я насквозь промерзла,  
Как река.  
В спину бьет и толкает воздух,  
Не рука.

Не спастись от волны ударной  
За стеной.  
И морщины пришли попарно –  
Все со мной.

Складки горя прошли вдоль носа,  
Будто рвы.

Лоб наморщился от вопроса:  
«Что же вы?!»

У бровей залегла косая  
Дробь-черта.  
Нити скорбные заплясали  
Возле рта.

Под глазами, под мелкой сеткой –  
Серый блик.  
Не лицо, а сухая клетка.  
В клетке – крик.

Подбородок остался гладок,  
Невредим.  
Только пара упрямых складок:  
«Победим».

Всё, что нам обещало эхо  
До войны.  
Разве только вот – «лапки смеха»  
Не видны.

\* \* \*

Стала война и не враг, и не друг,  
Просто наука:  
Осознавать, что у света есть звук,  
Множество звука.

Гул холодильника, рваный теперь,  
Грохот трамвая.  
Звуки собаки, скребущейся в дверь,  
Громко зевая.

Кашель соседа и новости бред,  
Скрип половицы –  
Всё, что как только отключится свет,  
Вмиг прекратится.

Днями не слышно, не видно ни зги.  
Щелкнет рубильник –  
Снова собака, трамвай, шаги...  
И холодильник.

Каждое новое знание в плюс,  
Как же иначе?  
Осознаёшь, что у света есть вкус:  
Теплый, горячий.

Вкус разогретого супа и каш,  
Чая и кофе.  
Даром вопит сумасшедший «крымнаш»  
О катастрофе.

Зря он грозит. Мы вкусили вполне  
«Пепел и пламя».  
Просто чтоб выиграть в этой войне,  
Нужно быть нами.

Просто. И было понятно давно,  
В самом начале.  
Что ж мы узнали о мраке, чего  
Прежде не знали?

Звезды над городом ярче. Иной  
Разницы нету.  
Значит, задачка сойдется со мной.  
Значит, с ответом.